

вы пшеницы. Благодаря этому, Египетъ уже въ состояніи отпускать теперь на европейскіе рынки до 4,000,000 четвертей пшеницы. Америка можетъ считаться самою опасною соперницею въ нашей торговлѣ; тамъ производство пшеницы въ короткое время болѣе нежели удвоилось, и цѣна въ Нью-Йоркѣ въ обыкновенное время отъ 6 руб. 25 коп. до 6 руб. 50 коп. сер. за четверть, а фрахтъ и страхованіе дешевле одесскаго порта. Англія въ настоящее время особенно заботится о распространѣніи посѣвовъ пшеницы въ Канадѣ и разведеніи льна и пеньки въ Индіи. Молдавія и Валахія съ 1850 по 1852 годъ отпустили пшеницы и кукурузы болѣе 5,000,000 четвертей чрезъ одинъ Галиць и Браиловъ. Съ устройствомъ Кюстенджи-Чернаводской желѣзной дороги и исправленіемъ кюстенджійской гавани, отпускъ хлѣба тамъ еще болѣе разовьется. Давно-ли Испанія пробудилась къ новой жизни, а между тѣмъ производительность ея идетъ быстрыми шагами, благодаря промышленному товариществу и денежному содѣйствію правительства, которое пожертвовало на большія и малыя дороги, обыкновенныя и желѣзныя, на работы въ гаваняхъ и проч. до 70,000,000 руб. сер. И вспомогательный капиталъ этотъ былъ собранъ посредствомъ выпуска шести-процентныхъ государственныхъ облигацій. Много тяжкихъ жертвъ и усилій приносила Россія въ разныя тяжелыя эпохи своей исторической жизни, но можетъ-быть никогда обстоятельства такъ настоятельно не требовали этихъ жертвъ, какъ въ настоящее тяжелое время нашего перехода къ новой жизни.

Г. ЗАХАРОВЪ.

О ПОЧВѢ

НЕ ВЪ АГРОНОМИЧЕСКОМЪ СМЫСЛѢ И НЕ ВЪ ДУХЪ „ВРЕМЕНИ“, НО ТАКЖЕ И НЕ ВЪ ДУХЪ „СОВРЕМЕННОСТИ“.

Гейне говоритъ, что мы часто жалуемся на зубную боль, умирая отъ сердечной раны; но онъ слишкомъ легко, слишкомъ смѣясь и мимоходомъ замѣтилъ это, какъ-будто и не подозревая всей роковой глубины своего замѣчанія. Но всѣ роковыя истины замѣчались сначала мимоходомъ и высказывались, то прикрытыя кривляньемъ скомороха, то закутанныя цвѣтами поэзіи, то смягчаемыя застѣвливой улыбкою того, кто высказывалъ ихъ. Люди ужасно недовѣрчивы ко всему новому, и по чрезвычайно остроумному замѣчанію Искры—это неединственно остроумная вещь, которую она замѣтила—«все великія идеи только тогда признаются великими, когда онѣ становятся уже пошlostію». Въ Искрѣ еще было одно остроумное замѣчаніе о сходствѣ поэтовъ съ камелиями въ томъ, что какъ тѣ, такъ и другія первые, лучшіе восторги свои продаютъ за ничто, и потомъ чѣмъ становятся старше и хуже, тѣмъ болѣе дорожатъ. Не знаю, цѣликомъ-ли ей принадлежатъ эти два замѣчанія. Но дѣло въ томъ, что замѣтка Гейне еще пошlostію не сдѣлалась, и потому о ней говорить можно и должно. Къ ней слѣдуетъ еще

сдѣлать то дополненіе, что человѣкъ и лекарство постоянно ищетъ отъ зубной боли въ то время, когда язва въ груди ему жить мѣшаетъ. И это въ жизни народовъ, какъ и въ жизни отдѣльныхъ личностей, и въ литературѣ также точно, какъ въ жизни.

Недавно я прочелъ въ одной книгѣ вопросъ: «отчего народъ, никогда не читающій книгъ и не слѣдящій за ходомъ нашихъ разсужденій и разглагольствованій, всегда, какъ только ему представляется поводъ заявить себя, оказывается стоящимъ въ уровень съ направленіями и желаніями первыхъ людей своего вѣка?»—Тамъ честный авторъ не *старается* отвѣтить на ту идею, которая у него явилась въ видѣ вопроса, и не спѣшитъ объяснить зубной болью минутнаго нерасположенія духа, происходящаго Богъ вѣсть отъ какихъ причинъ. А въ № 4 «Дня» я нашелъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, хотя тамъ этимъ отвѣтомъ объяснялось совершенно противоположное:

«Не ищите опять-таки какого-нибудь глубокаго основанія во всѣхъ такихъ несогласіяхъ крестьянъ на предлагаемое имъ помѣщикомъ. Я очень знаю эту нашу общую страсть объяснять себѣ такіе непонятные толки и требованія крестьянъ какимъ-то ихъ смутнымъ, инстинктивнымъ сознаніемъ будто-бы коренныхъ, видите-ли, пряморусскихъ правъ и воззрѣній, выработанныхъ нашею исторіею и пр. и пр. и пр. Еще разъ, не подозревайте тутъ никакихъ особенныхъ чудесъ: ларчикъ открывается просто. Источникомъ ихъ вѣчнаго упорнаго несогласія въ этомъ случаѣ является часто даже не недовѣріе собственно къ помѣщику, что было-бы даже и извинительно по многимъ причинамъ. Нѣтъ, это просто *слѣдствіе невѣжественнаго состоянія, которое пробуетъ и пытается всякими лишними требованіями и захватами*

выяснить себѣ наконецъ существо дѣйствительныхъ своихъ правъ, допускаемыхъ законами.»

Это все пишетъ въ редакцію «Дня» г. Н. Б. изъ Кашеры. Редакціи нужно отдать честь, она чувствуетъ неосновательность этой жалобы и оговариваетъ въ выноскѣ къ этому мѣсту: «Не слишкомъ-ли будетъ неосторожно ставить въ вину крестьянину, что онъ бродитъ ощупью въ такомъ важномъ для него и въ то-же время темномъ дѣлѣ, въ разрѣшеніи котораго онъ не участвовалъ».

Склоняемъ голову передъ этою выноскою, хотя она ничего еще положительно не объясняетъ; но никто не имѣетъ права требовать отъ человѣка, чтобы онъ объяснял то, что для него самого еще не выяснено. И ничего не можетъ быть болѣе благороднаго и полнаго самоуваженія, какъ признаніе, что на такой-то вопросъ у насъ еще нѣту отвѣта. Вся бѣда г-на Н. Б. въ томъ, что онъ непремѣнно захотѣлъ объяснить представляющееся ему затрудненіе, да и угодилъ совсѣмъ не въ ту сторону.

Въ томъ, что онъ вѣнчаетъ народу въ вину, заключается вся сила народа, и народъ именно потому оказывается при всякомъ удобномъ случаѣ стоящимъ въ уровень съ послѣдними требованіями просвѣщенія и гуманности, что въ то время, какъ мы все прикидываемъ да прикириваемъ, да соображаемся съ обстоятельствами, да церемонимся и не смѣемъ взять лежащаго у насъ подъ носомъ, — онъ, народъ, не знающій ничего кромѣ нужды своихъ и желаній, *всеими лишними требованіями и захватами старается выяснить себѣ наконецъ существо въ дѣйствительныхъ правъ своихъ*, и такимъ-образомъ доходитъ всегда до послѣдней возможной межи, до послѣдней грани, поставленной ему посторонними, враждебными ему интересами. И не будь этого, онъ ушелъ-бы

еще дальше. Да въ чемъ наконецъ состоитъ всегда, во всѣ эпохи, послѣднее слово науки и просвѣщенія, какъ не въ опредѣленіи качества и количества уступокъ, которыя должно властвующее человѣчество сдѣлать «меньшимъ», пожалуй, непросвѣщеннымъ братьямъ своимъ? И конечно, всегда мы будемъ желать со своей стороны меньше сдѣлать уступокъ, нежели эти братья—принять отъ насъ; они всегда со своими требованіями будутъ дальше, нежели мы со своими уступками, до тѣхъ-поръ; пока придетъ время, когда имъ нечего будетъ отъ насъ больше требовать. Они уже сейчасъ готовы на это; вся остановка за нами. И эта остановка особенно рѣзко начинается чувствоваться теперь, когда цѣпримѣръ «Современникъ» въ статьѣ своей «Не начало-ли перемѣны?» (ноябрь 1861 г.) полагаетъ, что ужъ теперь пора, оставивъ излишнюю чувствительность, раскрывать и худыя качества народа, такъ какъ теперь язвы его будто-бы ужъ достаточно залѣчены для того, чтобы съ нимъ можно было обращаться и не советѣмъ по большинному; когда напримѣръ «Время» въ статьѣ «Книжность и Грамотность» (июль 1861 г.) полагаетъ, что теперь уже ровъ, отдѣлявшій насъ отъ народа, до половины заваленъ; когда напримѣръ «День» (тотъ-же № 4) говоритъ въ передовой статьѣ своей: «Народъ сохранилъ и уберечь себя, для насъ, отъ всякихъ предлагавшихся ему разношерстныхъ благообразій!»—Отчего же для насъ? Миѣ такъ кажется, для себя. Вся жизнь народа отличается отъ нашей жизни именно тѣмъ, что онъ живетъ исключительно для себя, своею собственною, привычною для него жизнью, тогда какъ мы постоянно живемъ для другихъ, подгоняя жизнь свою подъ ядъ чуждыхъ намъ, постороннихъ требованій. Если мы пользовались такъ долго даровыми услугами народа, то въ этомъ съ его сто-

роны не было никакой вины, никакого добровольнаго согласія; и самое замѣчательное въ нашей исторіи то, что народъ, который ужъ конечно не меньше нашего всегда вѣрять въ царя, не пошелъ за царемъ, когда Петръ I сталъ брить бороды; а мы пошли и подставили свои подбородки, не смотря на то, что многимъ изъ насъ борода была дороже, чѣмъ мужику другому. А ужъ тогда никакъ не руководствовало нами сознание. Да и какое могло быть тутъ сознание! Не бритая борода отдѣлила насъ отъ народа, а именно то наше качество, которое помогло намъ легче народа отказаться отъ бороды своей. И что вы ни дѣлайте, а доколѣ будетъ существовать это качество, яма, отдѣляющая насъ отъ народа, не будетъ завалена. Недавно одинъ господинъ жаловался на меня моему пріятелю: «Что это, говорить: я къ нему подхожу такъ радушно, а онъ и руки миѣ не протолкнулъ хорошенько!»—О, я тоже готовъ радушіемъ платить за услуги, ниѣ оказываемыя, и дарить любезность тому, кому отказываю дать денегъ въ долгъ. Это все благотворительность французскаго буржуа: онъ, сколько угодно, будетъ благотворительствовать тѣмъ несчастнымъ, которые у него умираютъ на фабрикѣ; но онъ никогда не согласится раздѣлять съ ними барыши свои по пропорціи. А вести филантропическіе разговоры мы всѣ готовы: мы всѣ хотимъ быть передовыми и не замѣчаемъ только того, что послѣдній мужикъ стоитъ дальше перваго изъ насъ въ пониманьи того, что мы можемъ и чего мы не хотимъ еще сдѣлать. И вѣсто этого мы будемъ стараться уяснить себѣ, въ чемъ состоитъ отличительная черта народа русскаго, и будемъ очень любить журналъ «Время» за то, что онъ обѣщаетъ намъ уяснить всѣ эти вопросы. И у насъ духъ будетъ захватывать отъ радостнаго чув-

ства *патріотизма* при чтеніи: «Особенность ея (русской народности—«Время», июль 1861 года) безсознательная и чрезвычайная стойкость народа въ своей идеѣ, сильный и чуткій отпоръ всему, что ей противорѣчитъ, и *высокая, благодатная, ничѣмъ не смущаемая върой въ справедливость и въ правду*». Я плачу: нужно-же присесть столько *раздираемыхъ* словъ! А между-тѣмъ, все это фальшивая тревога, милостивые государи и государиши, потому-что все это составляетъ отличительную черту всякаго народа, французскаго и нѣмецкаго, также точно какъ русскаго, и совершенно также, какъ то, что я уже выписалъ изъ письма въ газету «День» г. Н. Б. о всякихъ излишнихъ захватываніяхъ и требованіяхъ. И, сколько мнѣ помнится, вопросъ о томъ, отчего народъ, не читая книгъ и не слѣдя вовсе за современностью и проч.—былъ предложенъ именно по поводу французской народности, и встрѣтивъ такъ неожиданно отвѣтъ на этотъ вопросъ въ письмѣ мирового посредника изъ Каширы, я обрадовался именно потому, что онъ отличнѣйшимъ образомъ говоритъ также точно и за народъ французскій. Теперь, значить, можно вывести формулу:

«Всякій народъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, оказывается стоящимъ въ уровень съ послѣдними, самыми современными требованіями науки и мировой цивилизаціи, именно потому, что въ то время, какъ мы все прикидываемъ да примѣриваемъ и ищемъ научными и всякими другими путями своей потерянной жвачки, народъ, безсознательно и чрезвычайно стойкій съ своей идеѣ, съ своей вѣковѣчной, благодатной, ничѣмъ несмущаемой върой въ справедливость и правду, все не можетъ уяснить себѣ смысла нашихъ половинныхъ и часто-лицемѣрныхъ уступокъ, и потому всякими новыми излишними требованіями и

захватами доходить до послѣдней грани, возможныхъ для насъ въ отношеніи къ нему, человѣчности и справедливости.

Такъ приходится изъ нѣсколькихъ бочекъ лѣгтя добыть ложку меду. Но что-же! и за то спасибо. Все-таки договоримся до чего-нибудь, хоть и будемъ объяснять зубной болью боль на сердцахъ. И все-таки однако мы знаемъ не много, потому-что и дилеттантскій вопросъ о томъ, въ чемъ состоитъ сущность русской народности, оканчивается для насъ совершенно неудовлетвореннымъ. — Въ чемъ-же она наконецъ? — Читатель навѣрное думаетъ, что я ему разрѣшу это?—*Pas si bête!*—Намъ обѣщало разъяснить это «Время»; а по нашему крайнему разумѣнію, разъяснить этотъ вопросъ, и подходить къ нему можетъ одна только поэзія, можетъ только одно искусство, не утилитарное, которое есть нечто иное, какъ тоже разсужденіе въ чужомъ костюмѣ, а чистая, не переодѣтая и не самозванная поэзія; непосредственное, свѣжее, вѣчно юное, горящее собственнымъ своимъ румянцемъ и дышащее собственной своею жизнію творчество, говорящее отъ избытка силы, а не напрягающее послѣднихъ силъ своихъ, изношенныхъ въ незаконномъ сожителствѣ съ критикою, наукою, философію. А мы, такъ мы не знаемъ, въ чемъ состоятъ отличительныя черты русской народности, мы будемъ говорить о народности вообще, т. е. о томъ, въ чемъ состоитъ сила и преимущество всякой необразованной массы народа передъ образованной его частію, передъ такъ-называемымъ *высшимъ обществомъ*. Да мы уже сказали, въ чемъ состоитъ эта сила и эти преимущества, остается разъяснить только, отчего они происходятъ, и остается разъяснить только, въ чемъ состоитъ собственное наше относительное безсиліе.

Вѣдь и мы могли-бы также точно быть совершенно сильны по своему. Были-же сильны предки наши. Ухъ, какая сила была—не даромъ въ народѣ ходили въ то время сказки объ Ильяхъ-Муромцахъ да о Соловьяхъ-Разбойникахъ. То было счастливое время, время вѣры; тогда никто не сомнѣвался въ правахъ своихъ, и никого не подкапывало и не подмывало сомнѣніе. Мужъ билъ жену, запиралъ ее подъ замокъ на хлѣбъ и на воду, и спалъ совершенно спокойно, сладко спалъ: еще-бы! онъ наказалъ непокорную, и совѣсть его не грызла за излишнюю слабость сердца. Травилъ баринъ рабовъ собаками, и ему не село и сладко было уснуть, распотѣшивъ свою боярскую душу и перемявъ все свое боярское чрево боярскимъ хотомъ. Отдавалъ замужъ дочь за немилаго, и былъ счастливъ, что исполнилась нерушимая родительская воля его. А потомъ вдругъ Петръ со своею реформою... Поднялась вдругъ наука на ноги и встала, какъ листъ передъ травой, передъ испуганными людскими лицами, и выяснила она мало-по-малу всѣ наши взаимныя отношенія. Но выяснила она только для насъ; для мужика они давнымъ давно были понятны. То, до чего мы дошли шагъ за шагомъ, роясь въ старыхъ и новыхъ книгахъ, споря, крича, пугаясь, толкуя, тратя лучшую часть жизни своей на изученіе, надсажая сердце и голову, то, что мы узнали и чего пожелали мы въ 1861 году, то мужикъ зналъ и того желалъ онъ со времени блаженной памяти Юрьева дня, даже раньше—зналъ это можетъ-быть еще въ то счастливое время, когда нужда, несправедливости, голодъ загоняли его въ добровольную кабалу; зналъ это не потому, что изучалъ это, а потому, что несъ на своихъ плечахъ всю тяжесть нашего собственного незнанія. И теперь онъ знаетъ несравненно болѣе насъ, потому-же самому, потому,

что мы знаемъ только что знаемъ, и чего не знаемъ, то насъ и не беспокоить; а его-то именно-то ужъ и беспокоитъ, чего не знаемъ мы. И когда-то, когда-то дойдемъ мы до пониманія новыхъ вещей! — и все это время мы будемъ наслаждаться идеею, что вотъ-моль мы трудимся на пользу общую, что мы-моль жрецы науки, мы сыны истины, мы ищемъ ее; а онъ будетъ все это время тоскливо ждать и роптать, и что-жъ дѣлать!—спросите у него, чего мы не знаемъ? Да вы его насмѣшите этимъ вопросомъ: «Вамъ-ли у насъ, батюшка, спрашивать!» И вы усмѣхнетесь самодовольно, и со снисходительною улыбкою силача обратитесь ко мнѣ и уступчиво подмигнете только на отвѣтъ мужика. И я замолчу, потому-что увижу, что съ вами не сговоришь. А потомъ опять начнетъ работать наука, стануть работать вѣка, и отравятъ опять они ваше самодовольное спокойствіе открытіемъ новой какой-нибудь маленькой незаконности въ вашихъ отношеніяхъ къ такъ-называемымъ «меньшимъ» братьямъ нашимъ. И вы опять станете прикидываться, что не слышите; будете, спокойно отвернувшись отъ голоса вашей науки, заниматься своими дѣлами и говорить ей: намъ некогда, въ другой разъ приди. А она, назойливая и самолюбивая, будетъ говорить все громче и громче, не изъ чего другаго, какъ изъ любви къ искусству, и вы наконецъ устанете слушать ее; рта зажать ей нельзя; стануть появляться между вами Иуды-предатели, которые будутъ откликаться на голосъ ея, и снова вы станете трусить, а меньшіе братья, замѣтивъ это, стануть становиться храбрѣе, и вотъ вы опять, съ гордымъ видомъ благотворителей, согласитесь отдать кое-что, а мужикъ опять потянетъ лишнее.

И опять вы станете удивляться его звѣрской неблагодарности и необразованности и зададите вопросъ: отчего

это?—Я вамъ снова скажу то-же самое, и вы отвѣтите мнѣ: «это могло быть правдою въ то, въ прошедшее время; но теперь—чего ему больше? развѣ можемъ мы сдѣлать еще уступки?—Онъ еще не доросъ до этого.»—Можетъ-быть тогда я и скажу вамъ, а можетъ-быть и не скажу, только, навѣрно, подумаю: не доросли-то вы съ вашей наукою; а онъ ужъ давно доросъ со своими страданіями!

Можетъ не дорости докторъ до того, чтобы больнаго вылѣчить, но никогда больной не можетъ быть слишкомъ молодъ для того, чтобы принять здоровье изъ рукъ доктора. И честный докторъ долженъ отказаться отъ больнаго или призвать другихъ докторовъ, если не можетъ его вылѣчить; но по большей части доктора лучше предпочитаютъ уморить, чѣмъ признаться въ своемъ незнаціи или потерять свой доходъ за визиты.

Всякій больной готовъ принять выздоровленіе, но не всякій способенъ оставаться здоровымъ, развѣ выздоровѣвши, скажутъ мнѣ. Bravo! Такъ тогда и лѣчить не нужно: вылѣчишь, а онъ опять захвораетъ, и все равно, рано или поздно умретъ.

Только тутъ сравненіе нашей науки съ докторомъ совершенно односторонне и вообще никуда не годится; я хотѣлъ только сдѣлать уступку времени, и когда я писалъ это, я думалъ не о серьезныхъ докторахъ, а о тѣхъ барыняхъ, которыя отъ нечего дѣлать занимаются гомеопатіей и потомъ лѣчутъ отъ небывалыхъ болѣзней своихъ горничныхъ, водовозовъ и пріятельницъ, совершенно здоровыхъ и потому постоянно готовыхъ къ тому, чтобы ихъ въ покоѣ оставили.

Я говорю противъ науки.

Науку я чрезвычайно люблю; можетъ-быть именно оттого я такъ на нее нападаю: *qui se dispute s'adore*. Мнѣ

досадно, что она не вездѣ равно хороша, безпрестанно дѣлаетъ глупости, уступаетъ глупостямъ чужимъ и вообще не всегда себя равно выдерживаетъ, не всегда остается вѣрна въ сущности божественной и прелестной душѣ своей. Я ее такъ люблю, что мнѣ не нужно отъ нея никакой пользы для того, чтобы я любилъ ее; я ее такъ люблю, что она кажется мнѣ совсѣмъ не сѣдымъ старикомъ въ очкахъ и съ кофеемъ подъ носомъ, а напротивъ того — прелестнѣйшей розовой дѣвушкой, вѣчно юной, всегда равнодушной ко всѣмъ, или лучше сказать, всѣхъ любящей поровну; единственной, которая никогда не навяжется на шею одному, да которая вѣдь-ли кого-нибудь одного и считаетъ себя достойнымъ. И я люблю, когда она кокетливо и заботливо смотрится въ зеркало природы, ища, чтобы всѣ складки ея платья, всѣ пряди густыхъ волосъ ея между-собою гармонировали, чтобы всѣмъ казалось, что она иначе не могла и родиться, какъ въ этомъ видѣ, чтобы никому не приходило и въ голову подумать о томъ, какъ она вся красная и ослизлая, только-что родившись на свѣтъ, лежала въ люлькѣ и сосала соску. — Но терпѣть я не могу, когда мнѣ что-нибудь напоминаетъ въ ней о ея неоприятномъ рожденіи; а это съ нею случается; и тогда мы съ ней ссоримся, и тогда я, разгоряченный, говорю ей, что отъ нея *всегда* пахнетъ сывороткой.

У меня былъ пріятель — бѣдный человѣкъ! его имя теперь извѣстно всей читающей Россіи. Онъ чуть не утопился въ отчаяніи, не умѣя разрѣшить самыхъ ничтожныхъ вопросовъ, тяготившихъ душу его. И когда я развѣ встрѣтивъ его на Дворцовомъ-мосту, ищущимъ мѣста, откукъ удобнѣе броситься, сказалъ: «Вы-бы привязали камень къ шеѣ»; то онъ отвѣтилъ мнѣ съ видомъ совершеннаго отчаянія: «Не надо. Меня утянуть ко дну мои вопросы».

Этотъ человѣкъ говорилъ мнѣ: «Мнѣ до-тѣхъ-поръ не можетъ понравиться какой-нибудь предметъ, пока я не докажу себѣ, почему онъ долженъ мнѣ нравиться».

Вопросъ, долженствовавшій утянуть его ко дну благо-честивой рѣки Невы, состоялъ въ томъ, долженъ или вѣтъ ему нравиться античный торсъ какой-то, который онъ видѣлъ въ Эрмитажѣ. Ну, какъ-же не сказать послѣ этого человѣку: «надѣньте камень на шею!»

Я такъ, напротивъ, до-тѣхъ-поръ не могу доказать другимъ, почему имъ должна нравиться та или другая вещь, покуда она имъ самому не понравится.

Я не знаю, что за презрѣнiе къ самому себѣ, что за недовѣрiе къ себѣ, что за недовольство самимъ собой, чтобы настраивать душу свою на ладъ постороннихъ требованiй!—Мы никого не можемъ такъ изучить, какъ самихъ себя, мы ни по чему не можемъ такъ легко изучить другаго, какъ по отношенiямъ его къ намъ; мы, мы и вѣчно мы сами и одни только мы можемъ себѣ служить для всего остальнаго, единственною, всегда удобною, всегда законною и непогрѣшимою мѣркою. Погрѣшности только происходятъ отъ нашей неискренности. И если мы должны исправлять сами себя и другъ друга, то только наблюдая за своими собственными ошибками и прилѣживая къ себѣ ошибки другихъ. Мы должны непремѣнно сами быть лицомъ страдающимъ, мы должны непремѣнно сами выносить на плечахъ своихъ все недуги общества для того, чтобы голосъ нашъ противъ этихъ недуговъ былъ силенъ и живучъ, для того, чтобы намъ были равно ощутительны все тѣни и полутѣни этихъ недуговъ. Нужно, чтобы въ нашихъ заботахъ о другихъ была забота о самихъ себѣ, и самая откровенная забота, какъ для того, чтобы у насъ на всю жизнь хватило энергiи биться, такъ и для того

чтобы вопль нашъ никому не показался голосомъ, искусственно вызваннымъ изъ груди мертваго.

Каждому изъ насъ приходилось тысячу разъ испытать на себѣ, что хитришь, хитришь, стараешься выпутаться изъ бѣды, стараешься облегчить или уменьшить вину свою противъ другаго, путаешь, путаешь на себя, а потомъ признаешься во всемъ, и дѣло уладится; и оказывается, что не изъ чего было хитрить, что настоящая-то причина была самая извинительная, и что тотъ, о комъ ты думалъ, что онъ не пойметъ тебя, понимаетъ твою причину, какъ свою собственную.

Мы все стараемся разгадать другихъ помимо себя, мы все считаемъ себя исключенiемъ, и въ нашемъ мѣряни другихъ не на свой, а на ихъ-же, по нашему мнѣнiю, аршинъ гораздо больше презрѣнiя къ нимъ и дѣтской самонадѣянности, нежели сердечной скромности, хотя спаружи все это и одѣто въ ея смиренное платье. Вся бѣда въ томъ, что намъ, всемъ одного и того-же нужно, однихъ и тѣхъ-же правъ и однихъ преимуществъ. «Современникъ» опять замѣтилъ это первый. У «Современника» не во всемъ, но во многомъ самая сильная и твердая почва подъ ногами: его собственныя нужды, его собственныя желанiя. Безъ почвы тотъ, кто помимо себя хочетъ рѣшить все вопросы. Напримѣръ мой прiятель, искавшiй на мосту мѣста, былъ совершенно безъ почвы.

Но что-же вышло?—Какъ только «Время» заговорило о какой-то странной почвѣ, не сознавая, чего оно хочетъ, и чувствуя только шаткость и неприкрѣпленность всехъ нашихъ разсужденiй, кинулось искать опоры въ какомъ-то духѣ народномъ, кинулось изъ одного облака въ другое, стало жаловаться на зубную боль, когда грудь болѣла,—«Современникъ» бросился на «Время и попалъ на

любимое слово этого журнала вмѣсто того, чтобы напасть на смысл его и доказать будущую беспочвенность искомой «Временемъ» почвы. Вся статья «о Почвѣ въ духѣ Времени» производит такое впечатлѣніе, какъ-будто «Современникъ» испугался, что его основаніе, его кредитъ колеблется, и снѣ не умѣлъ поразить своего врага его же оружіемъ. «Современникъ» повѣрилъ то-же, что у него зубы болятъ, потому-что его старалось увѣрить въ этомъ «Время».

Видъ насъ нѣтъ для насъ почвы. И народъ, простой добрый народъ именно тѣмъ сильнѣе противу насъ, что онъ, не заботясь ни о какихъ принципахъ, чувствуетъ себя посвоему и откровенно признается себѣ въ своихъ чувствахъ, въ то время какъ мы собираемся все чувствовать по народному. Народу ничего не нужно, ни учиться, ни думать, ни мучиться для того, чтобы остаться народомъ; намъ нужно ѣздить въ исторію, нужно дѣлать путешествія, жить съ народомъ, читать журналъ «Время», и все еще Богъ-знаетъ, что выйдетъ изъ этого! Вонъ что говорить само «Время» (іюль, 1861 г. Книжность и Грамотность):

«Они ѣли вмѣстѣ съ народомъ, его-же пишу; другіе даже пили съ нимъ. Наконецъ есть и такіе, которые даже вмѣстѣ съ нимъ работали, т. е. работали его-же простонародную работу. Хоть мало такихъ, да есть. И что-жъ? эти люди вполне убѣждены, что они знаютъ народъ. Они даже засмѣются, если мы будемъ имъ противорѣчить и скажемъ имъ: Вы, господа, знаете одну внѣшность; вы очень умны, вы много замѣтили, но настоящей жизни, сущности жизни, сердцевины ея вы не знаете.»

Кто-же знаетъ ее?—«Время?»—Но «Время» само говорить въ объявленіи, при XII книжкѣ своей:

«Какъ служили мы нашей идее? Не обманули-ль мы

публику въ тѣхъ ожиданіяхъ, которыя въ ней возбудили? Успѣли-ль мы высказаться, хоть сколько-нибудь? отвѣчаемъ: мы еще не могли много сдѣлать, хотя и желали и надѣялись сдѣлать больше.»

Вотъ какъ ловко и искусно выражается «Время!» Оно всегда будетъ оставлять на будущій годъ разрѣшеніе этого вопроса. Но мы ничего и не ждали по этому вопросу отъ «Времени»; мы знали, что его разрѣшитъ время, да только не это; а современемъ отвѣты времени попадутъ и въ журналъ «Время», въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

А выработаетъ во времени эти вопросы опять-таки не журналъ «Время», который будетъ больше спорить съ «Русскимъ Вѣстникомъ», ядовито намекая на него, что онъ лордъ, или смѣяться надъ «Отечественными Записками» за то, что онъ съ нѣмецкой ученостію сомнѣваются во всемъ, даже въ русской народности; выработаютъ отвѣты на эти вопросы тѣ люди, которые, возбуждаемые страстнымъ отвращеніемъ ко всему несправедливому и заносчивому, станутъ говорить о своихъ собственныхъ чувствахъ, желаніяхъ, напѣреніяхъ; которые со страстною, безпредѣльною откровенностію сознаются передъ всѣмъ человѣчествомъ во всѣхъ порокахъ своихъ, ошибкахъ и заблужденіяхъ, и скажутъ міру: вотъ вамъ плоть наша и кровь наша—ѣшьте ее все; и плоть ихъ и кровь ихъ дѣйствительно напитаютъ всѣхъ, потому-что плоть ихъ будетъ также пригодна намъ, какъ молоко матери для дѣтей ея, хотя-бы для другихъ, постороннихъ дѣтей, оно-бы было вредно, нездорово, малопитательно. И плоть этихъ людей, если они французы, окажется совершенно французскою, а если они русскіе, то окажется совершенно русскою, народною плотью, хоть-бы даже они были выращены во Франціи.

Что мы офранцужены и опѣмечены, въ этомъ виновато не незнаніе наше народа, а недоверіе наше къ самимъ себѣ. Написалъ вонъ г. Филипповъ «Критическій взглядъ на русскіе гражданскіе законы»—(Современникъ № № II и III 1861 г.), совершенно самостоятельное, русское сочиненіе, сквозь каждое слово котораго такъ и сквозитъ болячка родной земли, противъ которой онъ борется, а «Русское Слово» упрекаетъ его за то, что у него нѣтъ ссылокъ на иностранные авторитеты. Мы хотимъ исповѣдываться, и думаемъ объ исповѣди Жанъ-Жака-Руссо, и признаемъ въ томъ, въ чемъ онъ признавался; свое намъ не приходится и въ голову. Неужели-же это означаетъ, что у насъ нѣтъ своего, или что своего мы должны искать въ жизни народа на манеръ «Времени»? — Мы привыкли только, чтобы намъ все подспазывали. Вѣдь было-же у насъ время, когда Княжичи, Хмѣльницкій и другіе не могли написать ни одной комедіи, гдѣ горничная Лиза или лакей Викторъ не были-бы наперсниками своихъ барынь и бариновъ, тогда-какъ въ обществѣ во всей наготѣ существовали г-жи Простаковы да Скотинины. И самые почтенные авторы комедій вѣроятно ближе подходили къ послѣднимъ, нежели къ первымъ, и будучи французами въ литературѣ, оставались внутри семьи своей и внутри себя совершенными нижегородцами. Стоило только заглянуть въ свою душу, для-того чтобы во всей красотѣ увидать обманъ и ложность своихъ убѣжденій и своего направленія. Да что тутъ! я начну говорить еще проще:

Нѣкоторые господа изъ особенно-сильно вѣрующихъ въ то, что *намъ непременно нужно соединиться съ народомъ*; изъ тѣхъ, которые говорятъ: «безъ почвы ничего не вырастетъ и никакого плода не будетъ, а для всякаго плода нужна *своя почва, свой климатъ, свое вос-*

питаніе»—говорили мнѣ: «Въ наше, батюшка, время, самостоятельный талантъ не возможенъ: все рѣшено, все обдумано; нужно только искать способовъ примѣнить это къ дѣлу, къ *почвѣ*». И все это тѣ люди, которые упрекаютъ «Русскій Вѣстникъ» за то, что онъ хочетъ пересадить на русскую почву англійскія начала. Да изъ чего-же гвалтъ-то поднимать съ такими вѣрованіями? Ужъ не изъ того-ли, что ты-моль молчи, куда тебѣ, вотъ мы скажемъ, такъ скажемъ, что нужно и чего не нужно пересаживать. А своего-то все-таки ничего не выйдетъ. Да отчего-же это? — Ахъ, господа, да все оттого-же, отчего у насъ теперь квартиры дороги.—Вамъ это кажется страннымъ? Смотрите «Современную теорію финансовъ» г. Шилля, стр. 94, и вы оцупаете это пальцами. Мы всегда ищемъ самаго близарукаго отвѣта и потому никогда дальше своего носа ничего не видимъ. И намъ смѣшило, когда намъ скажутъ, что нынѣшняя дороговизна квартиръ имѣетъ одну и ту-же причину съ тѣмъ, отчего мы въ себя не вѣримъ; а по моему только та причина и есть истинная, которую объясняютъ самыя разнородныя, не имѣющія между собой ничего общаго, самыя несомвѣстныя явленія. Вѣдь бываетъ-же, что намъ весь міръ кажется чернымъ, потому-что намъ на мозоль наступили. Но и самая наша привычка удовлетворяться самыми ничтожными объясненіями происходитъ опять-таки отъ того-же самаго. Мы долго и много разсуждать не привыкли: пожалуй еще надоѣшь своими вопросами, ну, и берешь то, что даютъ, или что само подвернется подъ руку.

Самое отсутствіе книжной литературы и процвѣтаніе литературы журнальной происходитъ у насъ оттого-же самаго. Я объясню, отчего происходитъ процвѣтаніе журнальной литературы.

Но во-первыхъ, что такое журналъ?—Говорятъ, Берлиозъ, на вопросъ: на какомъ инструментѣ намѣренъ онъ дать концертъ?—отвѣчалъ: «На оркестрѣ».—Въ-самомъ-дѣлѣ, можно, не умѣя играть ни на какомъ инструментѣ, или играя плохо на одномъ изъ нихъ, или на всѣхъ, пожалуй,—быть дотога проникнутымъ музыкой и ея вдохновеніемъ, что подъ тактъ вашихъ взмаховъ десятки людей, играющихъ такъ-же плохо, какъ вы, въ общей своей гармоніи восхитять души слушателей. Известно, что для игры въ оркестрѣ не требуется такой силы и такого таланта, какъ для игры соло, также точно, какъ изъ самыхъ посредственныхъ голосовъ можно составить великолѣпные хоры подъ искуснымъ управленіемъ опытнаго режиссера. И нѣтъ никакой надобности, чтобы сильные, самостоятельные таланты исчезали между плохихъ музыкальныхъ собратій въ оркестрѣ. Одинъ, другой, для игры соло, когда случится,—пожалуй; а больше и не надо; да и что за охота тому, кто самъ, лично, своей собственною игрою можетъ вызывать изъ глазъ публики слезы восторга, пойти пилить въ оркестрѣ по чуждой для него волѣ капельмейстера? Тоже самое и въ литературѣ. Умѣешь писать одинъ, есть у тебя самого что сказать, и пиши одинъ, а мы тебя послушаемъ. Да тотъ, у кого есть хоть на зерно горчичное своего, и не съумѣетъ подмладиться подъ общее направленіе журнала.—Своего нѣтъ, а писать охота и есть способность потрафить въ тактъ режиссера, распространиться на чужой счетъ и разгорячиться за чужую мысль, какъ за свою собственную, — ступай въ оркестрѣ, т. е. въ журналъ. Есть много своего, сгольшко, что молчать нѣтъ возможности, а самъ рассказать все-таки не умѣешь, или и умѣешь, но чувствуешь, что все это будетъ полнѣе и лучше, когда десятки голосовъ подхватятъ тебя, когда

ты запоешь свою арію; чувствуешь, что тебѣ надо въ одно время хватить по всѣмъ инструментамъ, и даже по многимъ изъ тѣхъ, на которыхъ ты самъ играть не умѣешь, напримѣръ, хочется тебѣ призвать на помощь къ своей идеѣ естественная наука, исторію, философію, а ты самъ только беллетристъ, и знаешь ты, что съумѣешь всѣхъ ихъ заставить плясать по своей лудкѣ,—бѣги; доставай свидѣтельство отъ трехъ генераловъ, что ты чело-вѣкъ благонамѣренный, пиши просьбу и потомъ говори публикѣ: «Госпожа публика! я не знаю, любишь-ли ты меня и полюбишь-ли ты меня, но я тебя люблю всѣми силами души своей, такъ люблю, что не могу и представить себѣ, чтобы кто другой могъ тебя любить болѣе, чтобы кто-нибудь такъ желалъ тебѣ всякаго счастья и радостей: всѣ они, кажется мнѣ, тебя обманываютъ и ищутъ не тебя, а твоего приданого, денегъ твоихъ; я-же ничего не хочу кромѣ тебя, кромѣ твоей любви и твоего благополучія. Слушай же меня и не вѣрь никому изъ нихъ, потому что ни одинъ изъ нихъ не вырветъ для тебя изъ груди своей своего окровавленнаго и прожженнаго любовію къ тебѣ сердца, а я вырву и покажу его всѣмъ, и еще наберу цѣлую толпу сподручниковъ, которые загорятся, разожженные мною, такою-же къ тебѣ любовію; но все это будетъ только одна моя любовь, и за все это одинъ только я буду имѣть право на твою улыбку и на крикъ твоего одобренія!»

Вотъ, что скажи публикѣ. Но толи у насъ?

У насъ каждый претендентъ на ея вниманіе является къ ней ни дать, ни взять, какъ въ «Жинитѣль» Гоголя женихи являются къ Агафѣѣ Тихоновнѣ. Одинъ говоритъ: по газетамъ узналъ, что желаете вступить въ подряды; другой — по сосѣдству; а третій: тоже, говоритъ, знаете, вижу объ-

явленіе о чемъ-то; дай-ка, думаю себѣ, пойду! — И всѣ говорятъ, что они идутъ не потому, что у нихъ не пойдти нѣту силы; что они чувствуютъ неотразимую потребность высказаться, а все стараются увѣрить публику, что она въ нихъ нуждается; что у ней есть тѣ и другіе вопросы, которые требуютъ неминуемаго разрѣшенія...

Но развѣ можно дѣлать такія штуки съ публикою?

Вѣрно можно, если они дѣлаются. Я даже больше скажу, причины этого заключаются совсѣмъ не въ личномъ характерѣ жениховъ, а въ характерѣ Агафьи Тихоновны, которая говоритъ: «хоть подрадовъ никакихъ не беремъ, а приходу рады».

Агафья Тихоновна не ждетъ отъ дѣвичьей жизни своей никакой благодати; идеаль мужнины составилъ у ней какъ-то совершенно отрицательный: чтобъ по бородѣ не текло, чтобъ никто не закричалъ: пошелъ, купчишка, съ дороги... Трудно-ли удовлетворить такимъ требованіямъ? Кромѣ того она видитъ, что она толстѣетъ, что ей тридцать ужъ лѣтъ; и ей очень хочется выйдти замужъ. Она съ перепугу готова закричать: «пошли вонъ, дураки!» и также точно закричить: «прибѣть!» когда къ ней похрабрѣе подступитъ какой-нибудь Яичница.—Все это происходитъ отъ воспитанія.

У насъ не родилась еще потребность читать именно что-нибудь опредѣленное; намъ хочется только читать, потому-что такое ужъ время пришло. Журналы увѣряютъ публику въ противномъ: они говорятъ, что она знаетъ ужъ что читать. Это все говорится единственно для того, чтобы уговорить собратьевъ своихъ не зазывать публику въ свою лавочку: «Оставь ихъ, овѣ сами знаютъ, чего купить хотятъ: халаты, тулупы, каленкоръ, пальто-готовыя»... И публика, конечно, идетъ туда, куда ей

угодно; но только выборъ ея въ высшей степени непритворливъ и чрезвычайно ограниченъ.

Между нашими журналами только два имѣли до-сихъ-поръ свою собственную физиономію, только два нѣсколько подходили на оркестръ въ вышеупомянутомъ смыслѣ: Русскій Вѣстникъ и Современникъ. Худы-ли они или хороши, дѣло они говорили или нѣтъ, этого разбирать мы теперь не будемъ; но они оставались вѣрны сами себѣ, и будучи совершенно противоположныхъ направленій, почти составляя два непріятельскіе лагеря, они шли равна, прямо къ цѣли своей. Ихъ далеко нельзя считать идеалами журналовъ, но они все-таки больше всѣхъ другихъ подходили къ этому идеалу. Они и стоятъ на первомъ мѣстѣ; публика ихъ замѣтила. Но существуетъ много и другихъ журналовъ, которые имѣютъ громадный успѣхъ, читаются, хотя вовсе не походятъ на партитуры чего-бы то ни было, а суть нечто иное какъ собраніе маленькихъ полекъ, романсовъ, вальсовъ, кадрилией; иногда между всѣмъ этимъ попадетъ симфонія, опера, переложенная для фортепiano, и потомъ опять польки, романсы... Но и на «Современникъ» и на «Русскій Вѣстникъ» публика не смотритъ у насъ, какъ на отдѣльныя, цѣлыя сочиненія—это и довольно трудно; потому-что въ нихъ нѣтъ этой поражающей и постоянной стройности; а глядять на нихъ также точно, какъ и на остальные журналы, считая ихъ только первымъ сортомъ литературнаго вишегрета. И все-же читаетъ ихъ и выписываетъ; и главное, кажется, правится ей въ нихъ то, что получимъ, и читай все подъ рядъ,—не надо ломать головы, что прочесть и что выпустить. И чортъ знаетъ, въ-самомъ-дѣлѣ,—покупай книгу, читай; а потомъ окажется, что ее читать не стоило. Боже мой! я больше всего люблю читать книги, которыхъ читать не стоитъ: читаешь

и бѣсишься, и въ головѣ твоей родятся свои, совершенно самостоятельныя мысли, которыя потомъ превѣряются книгою, заслуживающею чтенія. Но публикѣ нужно непременно чье-нибудь одобреніе; ей нуженъ отзывъ о книгѣ, речательство людей ей извѣстныхъ, чья-нибудь посторонняя рекомендація. Отсюда всемогущество журналовъ; отсюда—крѣпостное право литераторовъ. Они не могутъ, они должны зарекомендовать себя публикѣ, явившись въ журналѣ, влѣзши насильно ей въ ротъ и заставивши себя попробовать. Отсюда и отсутствіе, невозможность всякой самостоятельности, какъ въ журналѣ, такъ и въ отдѣльныхъ литературныхъ дарованіяхъ. Писатель долженъ либо молчать, либо поддѣлываться подъ тонъ того или другаго журнала; журналъ долженъ дѣлать уступки въ пользу отдѣльныхъ даровитыхъ писателей, и это съ его стороны рѣшительное благодѣяніе, потому-что иначе этимъ бѣднымъ людямъ было-бы дѣться некуда. Отсюда возможность только самыхъ рѣзкихъ противорѣчій и то только утвержденныхъ временемъ, привычкою, обстоятельствами. Отсюда невозможность ничего рѣзко-самобытнаго, гордаго, непоколебимаго, неуступчиваго. Отсюда—отсутствіе журнала въ идеальномъ обращеніи въ рядовые множества людей, способныхъ-бы быть и офицерами и совершенно самостоятельными партизанами, охотниками. Отсюда все не на своемъ мѣстѣ: жалкій скрипачъ, которому много-много, что можно шляться по улицѣ и собирать гроши своею плаксивою скрипкою, лѣзаетъ и попадаетъ въ оркестръ, а иногда въ капельмейстеры; капельмейстеръ по рожденію пилятъ въ оркестрѣ, все вверхъ дномъ, чепуха, и ничего изъ этого не выйдетъ хорошаго. Отсюда и отсутствіе почвы подъ ногами каждаго, отсутствіе самоувѣренности, самопаздѣянности, прямоты, чистосердечія, — уступки, занскиванія,

подличанья... Смотрите: жизнь у насъ идетъ объ руку съ литературою! — Когда у человѣка зубъ болитъ, онъ тогда весь разстроены, и мысли его дѣлаются ералашны, какъ ощущенія, и самый великій вопросъ о правдѣ и свѣтѣ ему кажется ничтожнымъ и жалкимъ въ сравненіи съ зубной его болью. И вотъ откуда отличительный характеръ нашего общества: тина, муть; какой оно приметъ цвѣтъ, когда все это осядетъ—никому не извѣстно. Оно теперь все настаивается. И до-тѣхъ-поръ откуда оно не отстоится, въ немъ не будетъ замѣтно характера народнаго. А въ народѣ онъ существуетъ во всей полнотѣ, потому-что народъ живетъ тихою, неслышною жизнью, про себя маракую свои скорби и нужды, и не потому, чтобы онъ не хотѣлъ намъ назвать ихъ, а потому, что онъ не умѣетъ назвать ихъ: гдѣ ему; онъ живетъ, потомъ и кровью вырабатывая хлѣбъ свой, и у него не родилось еще потребности этой роскоши — искать названія своимъ чувствамъ, стремленіямъ и писать съ нихъ портреты на всемірную выставку.

Мы поймемъ ихъ тогда, когда намъ нужно будетъ разсказывать себя для того, чтобы разсказать народъ. Мы и теперь все до единаго, разсказывая себя, его разсказали-бы. Да вѣдь вотъ что случается: едва Кольцовъ задумалъ писать стихи, какъ и затянулъ:

Плѣнись розой, соловей
И день и ночь поетъ надъ ней;
Но роза, молча, пѣснямъ внимлетъ,
Невинный сонъ ее объзмлетъ...
На лиръ такъ пѣвецъ иной
Поетъ для дѣвы молодой... и т. д.

Кажется, для чего-бы было такъ писать? У Пушкина все это лучше написано. Да и когда за народныя-то пѣс-

ни взялся, такъ на манеръ барона Дельвига, и какъ ни велика сила его таланта, а все-таки во всѣхъ его прелестныхъ пѣсняхъ то баронъ Дельвигъ глядитъ изъ мужицкаго зипуна, то мужицкій зипунъ глядитъ сквозь барона Дельвига. Правда, тутъ баронъ Дельвигъ прозраченъ и неощутителенъ, какъ привидѣнiе; но все-жь-таки для чего-бы было отравлять русскую пѣсню хотя самымъ ничтожнымъ количествомъ души нѣмецкой? Едва на мужика пахнетъ нашимъ обществомъ, какъ онъ начинаетъ щеголять галантерейнымъ обхожденiемъ и отпускать слова, смыслъ которыхъ Богъ знаетъ какъ отражается въ его славянской натурѣ.

— Ахъ, я вспотѣла, говоритъ горничная на лакейской свадьбѣ.

— Зачѣмъ-же сатера такая, сударыня, возражаетъ, кривляясь подлѣ нея, лакей поѣзжанный.

Оказывается, что труднѣе всего остаться самимъ собой. Байронъ говоритъ, что онъ чувствовалъ себя самимъ собой только наединѣ съ природою. А ужъ, кажется, это былъ человекъ, который ни къ кому и ни къ чему никогда не хотѣлъ да и не умѣлъ поддѣлываться.

Всѣ гениальныя люди только тѣмъ и отличаются отъ прочихъ людей, что каждое ихъ слово, каждое ихъ дѣло есть только продуктъ ихъ собственной воли, ихъ собственного вкуса, ихъ собственного чувства и пониманiя. И они вѣчно народны.—Какъ могъ Шекспиръ, оставаясь вѣчно самимъ собой, быть больше похожъ на француза или нѣмца, чѣмъ на англичанина, онъ — англичанинъ по рожденiю? Мнѣ кажется, весь вопросъ о народности Пушкина разрѣшится вопросомъ, былъ или не былъ онъ вѣренъ самому себѣ, своимъ собственнымъ пониманiямъ, въ своихъ творенiяхъ. Если былъ, такъ онъ народецъ; а

не былъ, такъ объ этомъ и говорить нечего. — Какъ-бы ни было велико его французское воспитанiе, а ужъ навѣрно сказки его няни засѣли глубже въ сердца его, нежели наставленiя Тувенера француза, и снѣга и зимы его родины глубже напечатѣлись въ душѣ его, нежели описанiя прелестнаго неба Бургоньи. Есть-ли на немъ печать своеобразности? Вѣдь гениальныя-то природы ужасно упруги и упрямы всегда, и онѣ поступаютъ такъ, а не иначе, не потому что не хотятъ, а потому, что иначе не умѣютъ дѣйствовать. Оттого они и глядятъ Наполеонами. И наука только тогда дѣлается народною, когда изъ данныхъ-ея, общихъ всѣмъ возможнымъ національностямъ, дѣлаютъ ученые извѣстной націи совершенно свой самостоятельный выводъ, совершенно не прикидывая его и не приѣривая къ выводамъ другихъ націй. А у насъ гдѣ-же это? — Мы выстѣ съ данными науки приняли и готовые уже выводы. У насъ въ этомъ нѣтъ ни малѣйшей самостоятельности. Ученые наши нѣмцы; а на нѣмца надѣны какой угодно костюмъ, и перекрести его въ какую угодно вѣру,—онъ все-же останется нѣмцемъ и изъ всякихъ причинъ выведетъ нѣмецкое слѣдствiе. У насъ самостоятеленъ до конца до-сихъ-поръ былъ одинъ только Гоголь. Онъ не умѣлъ быть другимъ. Онъ былъ всегда гениально туго и величественно ограниченъ. Его Мертвыя Души чисто-народное произведенiе. И онъ никого не бралъ себѣ въ учителя. Попробовалъ, повозился, да и вышелъ на свою дорогу.

Между женщинами было и много есть гениальныхъ пѣвицъ, актрисъ, танцорокъ — вездѣ, гдѣ самыя вѣшнія условiя заставляютъ женщину быть женщиною. Но не было между ними ни одной гениальной писательницы, и мнѣ кажется, это именно потому, что тутъ онѣ, имѣя мужскіе, готовые идеалы, не могутъ никакъ уцѣлѣть отъ искушенiя посмотрѣть на вещи такъ, какъ смотрѣли ихъ учителя. Новое-то еще Богъ знаетъ, какъ выйдетъ, а

успѣхъ старыхъ извѣстень. Да и потомъ всегда лучше быть поскромнѣе. Въ человѣкѣ-то оно пожалуй и такъ, но только никакъ не въ литературѣ: тутъ нужна звѣрская откровенность и чистосердечіе.

Пусть каждое слово писателя будетъ зерномъ порока и преступленія, лишь-бы оно не было только ложью и лицемеріемъ. Ложь родитъ ложь, и волкъ воюющій волкомъ несравненно менѣе опасенъ, нежели еще умѣющій плакать ребенкомъ. Самый милый и безопасный изъ обскурантовъ въ настоящее время г. Аскоченскій; онъ воетъ волкомъ и мы постоянно имѣемъ въ виду его. Есть господа гораздо опаснѣе... Первое качество шпіона, говорить Жакъ-Казанова, это—имѣть видъ честнаго человѣка.

Вотъ, что мы хотѣли сказать по поводу «Почвы». Покуда мы высказали все; до какой степени все это правда относительно внѣшняго, мы не знаемъ; но все это глубочайшая правда относительно нашихъ собственныхъ пониманій, все это выросло на «почвѣ» нашихъ собственныхъ слезъ, огорченій, ошибокъ, нашихъ задушевныхъ печалей, надеждъ, упованій, нашего собственнаго стыда, сожалѣнія, отчаянія!

БУРЖУАЗІЯ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ КОМЕДИИ

(Nos intimes!)

Случилось, что въ одномъ уголкѣ міра жилъ-былъ дводецъ; и случилось, что съ молодю онъ былъ бѣденъ, какъ это часто случается, и оттого лучшіе годы жизни своей провелъ въ трудѣ, въ заботахъ, и женился-то онъ впервые разъ, можетъ-быть вовсе не по любви, на какой-нибудь сорокалѣтней дѣвѣ съ малой толикой приданого. Что дѣлать! жить нужно, и каждому хочется жить по-лучше; бѣдняку любовь могла-бы быть утѣшеніемъ, но и любовь хлѣба просить, и оттого тому, кто ничего не имѣетъ, остается одно: либо отказаться отъ любви, либо любить, какъ Квазимодо, приходя подъ вечеръ, въ свободное отъ работы время, посмотреть, со слезой на глазахъ, на царицу души своей, посмотреть изъ-за желѣзной рѣшотки, какъ ея бѣлое платье мелькаетъ между кустами въ саду, надорвать грудь свою мыслью о томъ, что вотъ ты ее любишь, боготворилъ-бы ее, слѣды ногъ ея цѣловалъ-бы, и любовный твой поцѣлуй такой-бы былъ силой, что при немъ, пожалуй, и брачнаго контракта не нужно: въ немъ вся святая тайна святаго союза; но тебѣ нельзя и презить о такомъ поцѣлуѣ, потому-что ты бѣденъ, и она не пойдетъ за тебя, хотя съ тѣмъ, что у ней есть, и могли-бы прожить вы вотъ какъ! Но пойдетъ она за стараго богача, продастъ она свои губы и щоки съдой его